

Проанализировав сферу употребления модальных частиц в речи, наблюдаем их иллокутивную функцию. В данном случае следует также упомянуть и о том, что многие модальные частицы немецкого языка имеют полифункциональный характер, т.е. могут выполнять различные функции, например, наиболее часто употребляемая модальная частица *ja* служит средством выражения удивления, изумления, недоумения, предположения и высказывания мнения; модальные частицы *eigentlich*, *denn* и *etwa* равнозначны, отличаясь лишь возрастанием эмоциональной окраски: *eigentlich* → *denn* → *etwa*.

Таким образом, разнообразие функций модальных частиц актуализируется в коммуникативной направленности высказывания микро- и макроконтекста.

Следует также отметить, что в настоящее время существует многообразие точек зрения на функции модальных частиц, но не все еще проблемы можно считать решенными, не все спорные случаи их употребления выяснены, так как акцентуализация модальных частиц в лингвистических исследованиях приобрела массовый характер только в середине прошлого столетия.

Литература

- 1 Большой энциклопедический словарь Языкознание Научное издательство – М, 1998
- 2 Крашенникова Е А Модальные глаголы и частицы в немецком языке – М, 1958
- 3 Пророкова В М «Слова-«приправы», слова «заплаты», модальные частицы в немецком языке - М Высшая школа, 1991
- 4 Krivonosov, Aleksej (1977) Die modalen Partikeln in der deutschen Gegenwartssprache Frankfurt a M (Dissertation Humboldt-Universität, 1963)

ПРОБЛЕМА НУЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Воронина Л.В.
Белгород

Ноль в языке связан с одной из его центральных проблем: соотношением формы и содержания.

Любая единица языка определяется по Э.Бенвенисту (1974) сочетанием двух признаков - формального и смыслового. С точки зрения формы языковая единица характеризуется способностью разлагаться на конститутивные элементы непосредственно предшествующего уровня, с точки же зрения смысловой (значение) - способностью выступить в качестве составного элемента (интегранта) единицы непосредственно высшего порядка. Выделение и отождествление тех или иных единиц языка происходит при помощи субституции этих единиц в составе лингвистических образований непосредственно высшего уровня, например, слово выделяется в составе фразы, фонемы же в составе слова или морфемы.

Диалектика формы и содержания предполагает, что каждому отдельному содержанию (в языке - значению) присуща своя соответствующая форма (в языке - формальные средства выражения данного значения). Однако ученые давно обратили внимание на то, что отдельные значения не имеют своего мате-

риально выраженного формального показателя и, наоборот, материально выраженный формальный показатель в некоторых случаях не имеет отдельного значения.

Асимметрия формы и содержания отражает проблему соотношения маркированных и немаркированных (нулевых) элементов в системе, обсуждаемую в лингвистике со времен Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртене, Ф. де Соссюра.

Формирование понятия нуля в лингвистике связано с работами по фонологии представителей Казанской и Пражской лингвистических школ В. А. Богородицкого, Н. С. Трубецкого. Первыми работами, посвященными непосредственно проблеме нуля, были работы Ш. Балли "Нулевая связка и связанные с ней явления", а также "Нулевой знак". Ш. Балли определил нулевой знак как "знак, фигурирующий без положительного означающего, но с определенным значением в определенном месте синтагмы, которую можно заменить одной или несколькими синтагмами того же вида, где этот суффикс имеет эксплицитную форму" (Балли, 1955: 177).

Р. Якобсон, обратившись вслед за Балли к проблеме нулевого знака, расширил понятие нуля, подчеркнув то, что язык довольствуется противопоставлением наличия некоторого признака его отсутствию не только в плане означающих, но также и в плане означаемых.

Иное понимание нулевой формы сложилось в американской дескриптивной лингвистике. В своем труде "Язык" Л. Блумфилд (1968) определяет нулевой элемент как отсутствие соответствующей категориальной формы. В связи с чем Блумфилд выделяет нулевой альтернант суффикса множественного числа в форме существительных *sheep* "овца", *deer* "олень", *moose* "лось", *fish* "рыба" и т.д., нулевой альтернант суффикса прошедшего времени глаголов в формах *put* "положить, положил", *cut* "порезать, порезал", *wed* "женить(ся), женил(ся)", нулевой альтернант суффикса посессивных прилагательных, если исходная форма оканчивается суффиксом множественного числа, как "the boys'" "(принадлежащее) тем мальчикам" (Блумфилд, 1968: 232-233). Такая концепция нулевой формы связана с перенесением понятия морфемы на всю область выражения частной категории.

Данная концепция достаточно четко обобщена Б. Блоком и Дж. Трагером, считавшими, что "при описании морфологии языка часто бывает полезным говорить о нулевой модификации (нулевом аффиксе, нулевом чередовании и т.д.). Если большинство парадигм некоторой категории (напр., ед. ч. - мн. ч., наст. вр. - прош. вр., имя сущ. - производный глагол) сходны в том, что различают составляющие их слова посредством определенного суффикса или набора суффиксов, и если несколько парадигм той же самой категории лишены этой черты и не различают составляющие их слова никаким другим способом, то мы можем упростить описание системы в целом, сказав, что нерегулярные парадигмы имеют нулевой суффикс, т.е. суффикс, не представленный ничем" (Блох, 1986: 83).

В. Хаас (1957) делает интересную попытку определить строгие критерии нуля. Он указывает на то, что языковой элемент имеет и форму, и различительную способность, нуль же имеет только различительную способность. Он должен противопоставляться только эксплицитной форме, а не "акустическому нулю". Между тем нередко "наличие нуля противопоставляется его отсутствию".

Противопоставление нуля эксплицитным формам возможно только в тех случаях, когда в той же форме наряду с нулем, существуют выраженные морфемы.

Ряд лингвистов придерживается мнения о бессмысленности введения понятия нуля. Так, например, Г.Ф.Майер выдвигает следующую формулу выражения значимости (Signalwert) языковой формы по отношению к её коммуникативной функции:

$$\frac{S}{F} = V, \text{ где}$$

S обозначает "коммуникативную функцию", F - "форму", то есть материальный, фонетический носитель смысла, а V - "значимость".

Далее, чтобы показать, что нуль является лишь лингвистической абстракцией, Г.Ф.Майер подставляет нуль в формулу и заключает: Если S равно нулю, то V равно нулю, то есть форма теряет значимость, не выполняя никакой коммуникативной функции. В таких случаях мы можем говорить о "пустой, бессмысленной" форме. С другой стороны, если F равно нулю, то V равно бесконечности, то есть форма получает универсальную значимость, а следовательно форма несет бесконечное число коммуникативных функций. На основании данных выводов, Г.Ф.Майер заключает, что нуль является лингвистической абстракцией (Meier, 1961: 52-55).

В отечественной лингвистике тоже существует мнение о бессмысленности введения данного понятия в силу его искусственности. Так, И.П.Иванова (1973) возражает против введения понятия нуля, основываясь на том, что под морфемой традиционно понимают единицу, имеющую не только содержание, но и звуковую форму, то есть единицу линейно выделяемую. Следовательно, включение нулевой морфемы в общий морфемный ряд недопустимо, потому что такое положение внутренне противоречиво, поскольку трактует отсутствие звуковой формы как форму.

М.Я.Блох разграничивает понятие нуля в обычном, неспециализированном употреблении в значении "отсутствие" и в специализированном, чисто лингвистическом смысле "значащее отсутствие". Последнее обязательно подразумевает парадигматическую соотнесенность элементов в системе выражения некоторой категории - такую соотнесенность, что соответствующий формально усеченный элемент (форма с отрицательным расширением или нулем) несет функциональную нагрузку как противочлен неусеченного элемента (форма с положительным расширением). Наличие парадигматического сдвига от внешне расширенной к внешне нерасширенной форме, на котором основано выражение функции нулевым грамматическим элементом, раскрывает материальную основу специализированного лингвистического нуля, его диалектику в системе выражения знаковых функций (Блох, 1986: 58-59).

Обобщая данные положения, следует подчеркнуть, что в лингвистике не сложилось единого подхода к понятию нуля. Ряд авторов (например, Р. Якобсон, представители американской дескриптивной лингвистики) расширяют данное понятие, перенося нулевую форму на всю область выражения частной категории, ряд лингвистов (В.Хаас, М.Я.Блох и др.) пытаются определить стро-

гие критерии нуля, третьи (Г.Ф.Майер, И.П.Иванова) возражают против признания существования нулевых форм в языке.

Следует признать тот факт, что, несмотря на неоднозначное отношение лингвистов к данному понятию, его использование в метаязыке позволяет объяснить многие явления, в том числе сущность антисинтетизма, обусловленного наличием нуля формы.

Литература

- 1 Балли Ш Общая лингвистика и вопросы французского языка - М Изд-во иностр литературы, 1955 - 416 с
- 2 Блох М Я Теоретические основы грамматики - М Высшая школа, 1986 - 160 с
- 3 Блумфилд Л Язык - М Прогресс, 1968 - 608 с
- 4 Meier G F Das Zéro-Problem in der Linguistik - Berlin Akademie-Verlag, 1961 - 248 S

СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ КОНЕЧНОЙ ЭКСТРАПОЗИЦИИ

Гайдукова Н.И.
Солодовник И.П.
Белгород

Наиболее типичными синтаксическими образованиями, которые осложняют структуру простого предложения и которые обычно выделяются в рамочной позиции, являются инфинитив, причастные обороты, сравнительные обороты, однородные члены предложения, свободная аппозиция. В грамматиках немецкого языка, идущих от Э.Драха, выделяются кроме компонентов основной структуры предложения – предполя (Vorfeld), середины (Mitte), заполя (Nachfeld) – синтаксические экстрапозиции (ЭП): начальная, срединная, конечная. Современные грамматики немецкого языка также отмечают тенденцию к образованию экстрапозиций, особенно в устной речи, к вынесению «тяжелых» членов предложения («schwerer Glieder») за рамку предложения и быстрому свертыванию рамки (Zifonun, 1997: 2202).

В начальной ЭП наиболее формализованным является именительный представления (Vorstellungsnominativ). (Подробнее о начальной экстрапозиции см. Гайдукова, 1998). Срединная экстрапозиция представлена различными типами парентез (см напр.: Grundzüge, 1981: 759).

В конечной экстрапозиции немецкие грамматики традиционно выделяют *Ausrahmung* (вынесение за рамочную позицию) и *Nachtrag* (термин, не имеющий прямого соответствия в русском переводе, иногда транслитерируемый как «нахтраг»).

Синтаксические конструкции *Ausrahmung* и *Nachtrag* недифференцированно рассматриваются в ряде случаев только как *Nachtrag* (Grundzüge, 1981: 759, Sommerfeldt, 1985: 131 u. ff), а дифференцируется по другим признакам.

Г. Штарке, разграничивающий *Ausrahmung* и *Nachtrag*, даёт функциональную классификацию обоих типов, выделяя при этом указание на временное следование, градацию, противоречие, ограничение, собственно называние (Starke, 1964: 59).